

Ведь этот замысел издателя дает нам редчайшую возможность, во-первых, сравнить методы юристов разных стран — методы, к которым они прибегали для достижения если не аналогичных, то, несомненно, близких по тенденции целей; во-вторых, выявить как специфику «национальных эпох», так и общие черты социального мировоззрения аристократии XVI в.; в-третьих, сквозь призму последней рассмотреть социальные условия и тенденции в разных концах Европы — в Германии и Италии.

Откладывая анализ двух последних вопросов до другого случая, мы сосредоточим свое внимание на первом. Итак, как работают юристы — авторы рассматриваемых трактатов, каков общий план и построение этих последних? Сравнительное изучение сочинений Бонакоссы и Гусануса позволяет установить множество общих черт в самом методе препарирования материала, в постановке вопросов, в характере их трактовки и аргументации. Общий уровень юридической работы в обоих случаях приблизительно одинаков и не очень высок. Хотя в расположении материала и проглядывает определенная система, однако она далека от завершенности и реализуется далеко не последовательно. Парадоксально, но интеллектуальная атмосфера Возрождения — в особенности поскольку речь идет о Бонакоссе — ослабила строгость юридического мышления. Этот факт легко устанавливается при сопоставлении анализируемых трактатов с трактатом английского юриста XIII в. Брактона. В самом деле, в то время как Брактон знает один авторитет — «Институции» Гая и неукоснительно следует за ним, Бонакосса, к примеру, знает несколько десятков авторитетов, как древних, так и более поздних, причем не только юристов¹¹. В результате его трактат — *нечто среднее между публицистикой и юридическим руководством* в собственном смысле слова.

При всей близости мировоззрения Гусануса к только что охарактеризованному, в нем немало черт специфических, северогерманских.

¹¹ Бонакосса — типичная фигура итальянского Ренессанса: от его сочинения веет духом если и не свободомыслия, то во всяком случае индифферентизма. Все его рассуждения свидетельствуют о том, что светское общество Италии в земных делах, во всяком случае, отвернулось от христианства, как бы забывало о самом существовании церкви. Бонакосса не только не удостоил вниманием средневековые авторитеты — такие, как отцы церкви и великие учителя схоластики; сомнительно, чтобы он часто вспоминал о существовании самой Библии. По крайней мере, он ни разу не удостоил ее своим вниманием. Любопытно, что те несколько цитат из Посланий апостола Павла, которые приведены в его трактате, заимствованы им не непосредственно из первоисточника, а у светского писателя, к тому же они воспроизводятся не буквально, а в перифразе. Главный же источник теоретической и практической мудрости Бонакоссы — поэты и философы древности: Платон, Сенека, Плутарх, Марциал, Ювенал, Макробий и др., а из новейших писателей — Петрарка. Таким образом, мир, в котором вращается мысль и воображение Бонакоссы, есть по преимуществу мир языческий; быт современной ему Италии он описывает в тонах и терминах Римской империи. Даже комплименты главе церкви папе Григорию XIII он строит на традициях языческой литературы, сравнивая доброту св. отца в отношении к своим слугам с мягкостью к рабам римского магната Луцилия, прославленного Сенекой.